

рассказы
о значении прощения

МОСКВА

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)-44
О-80

Изразец на обложке предоставлен
керамической мастерской «Москерамика»

Художник изразца *Ира Радаева* по макету *Аси Видовской*

Автор художественного образа серии,
дизайн макета *Мария Клава-Янат*

О-80 **От сердца к сердцу : рассказы о значении прощения. —**
Москва : Эксмо, 2026. — 336 с. — (Теплое чтение).

ISBN 978-5-04-229887-5

В сборник входят рассказы русских классиков о прощении. Иван Бунин пишет про безумную любовь в «Чистом понедельник», оборвавшуюся на самой высокой ноте. Иван Шмелев о масленице и об обряде прощеного дня с каждым, близким и не близким. Валентин Распутин — о важности времени прощения и сердечного разговора, Виктор Астафьев — о совести и любви к тому, кто может повиниться за вольное или невольное прегрешение. Лев Толстой, в рассказе «После бала» — о недопустимости жестокости к человеку.

Павел Басинский, литератор, писатель, исследователь Максима Горького и Льва Толстого, пишет во вступительном слове о «глубинной народной правде», которую умело показывают классики в коротком рассказе. Да много слов и не нужно, «Простить и воскреснуть», вот девиз.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-04-229887-5

© Басинский П., текст, 2026
© Пастернак Б.Л., наследники, 2026
© Распутин В.Г., наследник, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Павел Басинский.</i> Предисловие	9
Иван Бунин	
ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК	15
Антон Чехов	
ПРОЩЕНИЕ	35
НАКАНУНЕ ПОСТА	36
Лев Толстой	
ПОСЛЕ БАЛА	45
Валентин Распутин	
ВАСИЛИЙ И ВАСИЛИСА	61

Иван Шмелёв

МАСЛЕНИЦА

(Отрывок из романа «Лето Господне») 97

Николай Лесков

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК 117

Виктор Астафьев

КОНЬ С РОЗОВОЙ ГРИВОЙ 305

Борис Пастернак

«УЧИТЬСЯ ПРОЩАТЬ...» 335

Прощеное воскресенье — последний день Масленицы. Какое удивительное название этого праздника! Простить, чтобы воскреснуть.

Тема Прощеного воскресенья и вообще прощения — одна из ключевых в русской литературе. Из последних классических произведений о прощении вспоминается мне мой самый любимый, после «Уроков французского», рассказ Валентина Распутина «Василий и Василиса». Как и все рассказы Распутина, он очень короткий. Но в нем описана целая жизнь одной деревенской семьи, где у мужа и жены одинаковые имена — Василий и Василиса.

Рассказ на самом деле страшный. В пьяном угаре мужик поднял руку на жену, а у нее случился выкидыш. И тогда Василиса выселила Василия в амбар, где он жил «параллельно» с семьей до конца дней. И только перед смертью Василия

состоялось их прощание и прощение. Есть в этом рассказе присущий Распутину и очень немодный сегодня фатализм. Но почему-то, перечитывая его, видишь в нем какую-то глубинную народную правду. И заканчивается рассказ как-то странно и удивительно.

«Стоит тихий, словно перед дождем, день. В такой день хорошо пить простоквашу — не очень холодную и не очень теплую — и смотреть в окно, что происходит на улице».

Другой классический рассказ — «Чистый понедельник» Ивана Бунина — тоже начинается с серенького дня. «Темнел московский серый зимний день, холодно зажигался газ в фонарях, тепло освещались витрины магазинов — и разгоралась вечерняя, освобождающаяся от дневных дел московская жизнь...»

Чистый понедельник — первый день Великого поста. Название — не каноническое, но такое красивое и трогательное. Напомню, что в этом рассказе возлюбленная героя в начале Великого поста уходит от него в неизвестность, а через два года он случайно видит ее среди монахинь Марфо-Мариинской обители. До Чистого понедельника их жизнь была сплошной Масленицей, с гуляньями и ресторанами. Что же подвигло эту странную девушку уйти в обитель? Мы не знаем. Мы не знаем точного времени, когда это случилось. Но появление в обители великой княгини Елизаветы Федоровны в конце рассказа о многом говорит. Именно Марфо-Мариинская обитель при ее попечительстве стала одним из главных лазаретов во время Первой мировой войны.

Отступим еще на несколько лет назад и вспомним другое классическое произведение — рассказ Льва Толстого «После бала». Он был написан в 1903 году, но при жизни писателя не был опубликован. Прежде всего по цензурным причинам. Действие рассказа тоже происходит в конце Масленицы, в Прощеное воскресенье, накануне Великого поста. Герой влюблен в девушку, отец у которой армейский полковник. После бала, где герой много танцевал с его дочерью, он не в силах заснуть, идет к их дому и видит, как полковник руководит наказанием татарина «за побег». Его забивают фактически до смерти. Это — «николаевская» эпоха, в царствование Александра II телесные наказания в армии были отменены. Но здесь не в эпохе суть, а в том, что есть два мира — «масленичный», где гуляют и радуются, и «страстной», где страдают. Столкновение этих миров неизбежно, но очень болезненно.

«С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло еще часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье... Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидел в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, черное и услышал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня все время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жесткая, нехорошая музыка».

Героиня рассказа «Чистый понедельник» уходит в мир страданий по своей воле. Бесконечная «масленица» стала ей противна и постыдна. Герой в рассказе «После бала» сталкивается с этим миром против своей воли, случайно. Но жизнь его уже не будет прежней.

Но есть и поэтические описания Масленицы и Прощеного воскресенья в русской литературе. Это — бессмертная «Снегурочка» Островского с ее языческой поэзией. И великий роман Ивана Шмелева «Лето Господне», где целая глава посвящена Масленице и Прощеному воскресенью.

«Масленица кончается: сегодня последний день, «прощеное воскресенье». Снег на дворе размаслился. Приносят «масленицу» из бань — в подарок. Такая радость! На большом круглом прянике стоят ледяные горы из золотой бумаги и бумажные вырезные елочки; в елках, стойком на колышках, — вылепленные из теста и выкрашенные сажей, медведики и волки, а над горами и елками — пышные розы на лучинках, синие, желтые, пунцовые... И над всей этой «масленицей» подрагивают в блеске тонкие золотые паутинки канители».

Но гулянье заканчивается, и начинается другое. «Поздний вечер. Заговелись перед Постом. Завтра будет печальный звон. Завтра — «Господи и Владыко живота моего...» — будет. Сегодня «прощеный день», и будем просить прощенья: сперва у родных, потом у прислуг, у дворника, у всех. Вассу кривую встретишь, которая живет в «темненькой», и у той надо просить прощенья. Идти к Гришке, и поклониться в но-

— Предисловие —

ги? Недавно я расколол лопату, и он сердился. А вдруг он возьмет и скажет — «не прощаю!»? Падаем друг дружке в ноги. Немножко смешно и стыдно, но после делается легко, будто грехи очистились».

Простить и воскреснуть!

Павел Басинский

Иван Бунин

ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Темнел московский серый зимний день, холодно зажигался газ в фонарях, тепло освещались витрины магазинов — и разгоралась вечерняя, освобождающаяся от дневных дел московская жизнь: гуще и бодрей неслись извозчичьи санки, тяжелей гремели переполненные, ныряющие трамваи, — в сумраке уже видно было, как с шипением сыпались с проводов зеленые звезды, — оживленнее спешили по снежным тротуарам мутно чернеющие прохожие... Каждый вечер мчал меня в этот час на вытягивающемся рысаче мой кучер — от Красных ворот к храму Христа Спасителя: она жила против него; каждый вечер я возил ее обедать в «Прагу», в «Эрмитаж», в «Метрополь», после обеда в театры, на концерты, а там к «Яру» в Стрельну... Чем все это должно кончиться, я не знал и старался не думать, не додумывать: было бесполезно — так же, как и говорить с ней об этом: она раз навсегда отвела разговоры о нашем будущем; она была загадочна, непонятна для меня, странны были и наши с ней

отношения, — совсем близки мы все еще не были; и все это без конца держало меня в неразрешающемся напряжении, в мучительном ожидании — и вместе с тем был я несказанно счастлив каждым часом, проведенным возле нее.

Она зачем-то училась на курсах, довольно редко посещала их, но посещала. Я как-то спросил: «Зачем?» Она пожала плечом: «А зачем все делается на свете? Разве мы понимаем что-нибудь в наших поступках? Кроме того, меня интересует история...» Жила она одна, — вдовый отец ее, просвещенный человек знатного купеческого рода, жил на покое в Твери, что-то, как все такие купцы, собирал. В доме против храма Спасителя она снимала ради вида на Москву угловую квартиру на пятом этаже, всего две комнаты, но просторные и хорошо обставленные. В первой много места занимал широкий турецкий диван, стояло дорогое пианино, на котором она все разучивала медленное, сомнамбулически-прекрасное начало «Лунной сонаты», — только одно начало, — на пианино и на подзеркальнике цвели в граненых вазах нарядные цветы, — по моему приказу ей доставляли каждую субботу свежие, — и когда я приезжал к ней в субботний вечер, она, лежа на диване, над которым зачем-то висел портрет босого Толстого, не спеша протягивала мне для поцелуя руку и рассеянно говорила: «Спасибо за цветы...» Я привозил ей коробки шоколада, новые книги — Гофмансталя, Шницлера, Тетмайера, Пшибышевского, — и получал все то же «спасибо» и протянутую теплую руку, иногда приказание сесть возле дивана, не снимая пальто. «Непонятно, почему, — говорила она

в раздумье, глядя мой бобровый воротник, — но, кажется, ничего не может быть лучше запаха зимнего воздуха, с которымходишь со двора в комнату...» Похоже было на то, что ей ничто не нужно: ни цветы, ни книги, ни обеды, ни театры, ни ужины за городом, хотя все-таки цветы были у нее любимые и нелюбимые, все книги, какие я ей привозил, она всегда прочитывала, шоколаду съедала за день целую коробку, за обедами и ужинами ела не меньше меня, любила расстегаи с налимьей ухой, розовых рябчиков в крепко прожаренной сметане, иногда говорила: «Не понимаю, как это не надоест людям всю жизнь, каждый день обедать, ужинать», — но сама и обедала и ужинала с московским пониманием дела. Явной слабостью ее была только хорошая одежда, бархат, шелка, дорогой мех...

Мы оба были богаты, здоровы, молоды и настолько хороши собой, что в ресторанах, на концертах нас провожали взглядами. Я, будучи родом из Пензенской губернии, был в ту пору красив почему-то южной, горячей красотой, был даже «неприлично красив», как сказал мне однажды один знаменитый актер, чудовищно толстый человек, великий обжора и умница. «Черт вас знает, кто вы, сицилианец какой-то», — сказал он сонно; и характер был у меня южный, живой, постоянно готовый к счастливой улыбке, к доброй шутке. А у нее красота была какая-то индийская, персидская: смугло-янтарное лицо, великолепные и несколько зловещие в своей густой черноте волосы, мягко блестящие, как черный соболий мех, брови, черные, как бархатный уголь, глаза; пленительный